

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Всегда приятно читать
детективные истории
о Ниро Вулфе.
Он органично вошел
в нашу жизнь...
Как Шерлок Холмс...

*New York Times
Book Review*

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Игра
в пятнашки

« И Н О С Т Р А Н К А »

Ниро Вульф

Рекс Стаут

Игра в пятнашки

«Азбука-Аттикус»

1952

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стаут Р. Т.

Игра в пятнашки / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус»,
1952 — (Ниро Вульф)

ISBN 978-5-389-19732-9

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. Однажды к Вулфу является незнакомая девушка, которая с порога заявляет, что собирается некоторое время здесь пожить. Вулф выставляет незваную гостью на улицу, а на следующий день узнает, что девушку убили. А так как Вулф считает, что нет клиента — нет дела, за расследование берется Арчи Гудвин, но в результате попадает за решетку. И тогда Вулф вынужден назвать Арчи Гудвина своим клиентом, чтобы вытащить его из тюрьмы и найти убийцу.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-19732-9

© Стаут Р. Т., 1952
© Азбука-Аттикус, 1952

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Рекс Стаут

Игра в пятнашки

Rex Stout

PRISONER'S BASE

Copyright © 1952 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency

All rights reserved

КЛАССИКА
И
ДЕТЕКТИВА

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

Перевод с английского Дениса Попова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Д. В. Попов, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство Иностранка®

* * *

Глава 1

В тот июньский понедельник атмосфера в старом особняке из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице царила напряженная. Я упоминаю об этом не для того, чтобы посетовать на дурной нрав Вулфа, а потому, что это важно. Именно напряженной атмосфере мы были обязаны появлением квартирантки.

А началось все с замечания, сделанного Вулфом тремя днями ранее. Каждое утро в пятницу в одиннадцать часов, спустившись из оранжереи на крыше в кабинет на первом этаже, он подписывает чеки на жалованье Фрицу, Теодору и мне. Свой я получаю тут же, а два других он придерживает, поскольку любит вручать их лично. Так вот, в то утро, проходя мимо моего стола к своему, он сказал:

– Благодарю, что дождался.

Мои брови поползли вверх.

– Что такое? Тля на орхидеях?

– Нет. Но я заметил в прихожей твою сумку и вижу, что ты принарядился. Тебе явно не терпится поскорее уехать. С твоей стороны весьма великодушно дожидаться этих жалких грошей, этого скудного воздаяния за все непомерные труды близящейся к завершению недели. В особенности если учесть, что остаток на нашем счете в банке низок как никогда за последние два года.

Мне удалось сохранить самообладание.

– Ваша тирада заслуживает ответа, и вы его получите. Да, я принарядился, потому что отправляюсь на уик-энд за город. Что касается нетерпения, тут вы ошиблись. – Я бросил взгляд на запястье. – У меня еще куча времени, чтобы поймать такси и по пути подхватить мисс Роуэн на Шестьдесят третьей улице. Насчет жалких грошей спорить не стану. А своими непомерными трудами я обязан исключительно тому, что вы отвергли четыре предложения клиентов подряд. Вот мне и приходится протирать штаны в офисе. Говоря о том, что рабочая неделя близится к завершению, вы намекали, что она еще не закончилась, а я уже ударяюсь в загул. О моих планах на уик-энд вы знали месяц назад, и никакое дело как будто не удерживает меня здесь. По поводу банковского счета вы абсолютно правы, признаю. Мне ли этого не знать? Ведь именно я веду наши счета. Готов поправить положение. Все равно вы платите мне жалкие гроши, так какого черта?!

С этими словами я порвал свой чек пополам, сложил половинки и порвал снова, бросил клочки в мусорную корзину и зашагал к двери. Сзади раздался его рев:

– Арчи!

Я повернулся и с вызовом посмотрел на него. Он тоже уставился на меня.

– Пф! – наконец произнес Вулф.

– Как бы не так! – ответил я и вышел из кабинета.

Таким вот образом атмосфера и стусилась. Когда я вернулся из загородной поездки поздно вечером в воскресенье, Вулф уже удалился к себе. К утру понедельника обстановка могла бы и разрядиться, если бы не порванный чек. Мы оба прекрасно знали: достаточно аннулировать его корешок и выписать новый. Однако Вулф не собирался отдавать мне такой приказ, пока я сам не попрошу, а я и не думал делать это без его указания. Никто не настроен был уступать, и оттого утренняя натянутость продлилась до ланча и далее.

Около 16:30, когда я сидел за столом и корпел над записями о прорастании семян, в дверь позвонили. Обычно, если не было иных указаний, на звонок выходил Фриц. Однако в тот день моим ногам явно не мешала разминка, и открывать отправился я. Распахнув дверь, я с первого взгляда пришел к приятному заключению.

Конечно же, в чемодане и шляпной коробке могли храниться и образцы товаров, однако девушка в светлом персиковом платье и сшитом на заказ жакете вряд ли принадлежала к назойливому племени коммивояжеров. Судя по багажу, передо мной почти наверняка стояла иногородняя клиентка, нагрянувшая к нам прямо с вокзала или из аэропорта ввиду крайней спешности ее дела. Таким мы всегда рады.

Не выпуская шляпную коробку из рук, она решительно переступила порог, прошмыгнула мимо меня и объявила:

– Вы Арчи Гудвин. Не занесете мой чемодан? Будьте так добры.

Я исполнил просьбу, закрыл дверь и поставил чемодан у стены. Она опустила коробку рядом, выпрямилась и затараторила:

– Я хочу повидаться с Ниро Вулфом. Но конечно, с четырех до шести он всегда наверху, в оранжерее. Я нарочно выбрала такое время для визита. Мне надо сначала поговорить с вами. – Она огляделась. – Эта дверь ведет в гостиную. – Взгляд ее обежал прихожую. – Там лестница, справа дверь в столовую, а слева – в кабинет. Прихожая пошире, чем я ожидала. Может, пройдем в кабинет?

Никогда прежде не видел таких глаз. Непонятного цвета – то ли коричневато-серые с коричневато-желтыми крапинками, то ли наоборот, – глубоко посаженные и широко расставленные, они не знали покоя.

– Что не так? – поинтересовалась она.

Притворство чистой воды. Она, несомненно, давно привыкла, что люди, впервые увидев ее глаза, не могут оторвать от них взгляда. И наверняка этого ожидала. Я заверил, что все в порядке, отвел ее в кабинет, поставил ей кресло, уселся за свой стол и заметил:

– Значит, вы бывали у нас раньше.

Девушка покачала головой:

– Давным-давно здесь побывала одна моя подруга. Ну и конечно же, я читала о доме. – Она осмотрелась, сначала бросив взгляд направо, потом налево. – Ни за что бы не пришла сюда, не разузнав хорошенько о Ниро Вулфе и вас. – Тут взгляд ее обратился на меня, и я, решив, что случайно его не поймать, принял вызов, а она продолжила: – Я подумала, лучше будет сначала рассказать обо всем вам. Я не совсем уверена, как стоит подать это Ниро Вулфу. Понимаете, я пытаюсь кое-что уладить. Интересно... Знаете, чего бы мне хотелось прямо сейчас?

– Нет. И чего же?

– Коки с ромом, долькой лайма и кучей льда. Полагаю, лимона Мейера¹ у вас нет?

Она, пожалуй, несколько опережает события, подумал я, но тем не менее ответил, что у нас, конечно же, все это есть, поднялся и, подойдя к столу Вулфа, вызвал звонком Фрица. Изложив ему пожелания гостыи, я вернулся на свое место, а девица опять сделала замечание:

– А Фриц выглядит моложе, чем я ожидала.

Я откинулся на спинку кресла, сцепил руки на затылке и объявил:

– Можете пить что угодно, даже коку с ромом. Я не прочь с вами поболтать, но если вы хотите, чтобы я надоумил вас, как преподнести ваше дело мистеру Вулфу, то, пожалуй, лучше приступить к рассказу.

– Только после того, как выпью, – отрезала эта особа.

Она не только выпила, но и устроилась как дома. Когда Фриц принес коктейль, она сделала пару глотков, пробормотала что-то насчет жары, сняла жакет и бросила на спинку красного кожаного кресла. Дальше – больше. Она стащила с головы соломенную шляпку, пригладив рукой волосы, извлекла из сумочки зеркальце и с пристрастием оглядела себя. Затем, со стаканом в руке, периодически из него потягивая, переместилась к моему столу, сунула нос в учетные карточки, подошла к большому глобусу и легонько крутанула его, наконец, изучила

¹ Лимон Мейера – гибрид лимона и мандарина (или апельсина).

названия книг на полках. Когда стакан опустел, она поставила его на стол, вернулась к своему креслу, уселась и посмотрела на меня.

– Я вот-вот возьму себя в руки, – пообещала она.

– Чудесно. Не спешите.

– Не буду. Я не торопыга. Я весьма осмотрительная девушка... Поверьте, так оно и есть. Поспешила только раз в жизни, но и этого оказалось достаточно. Кажется, я все еще не успокоилась. Быть может, мне следует еще выпить?

На этот раз я не пошел ей навстречу. Конечно, кока с ромом оказала на нее благотворное действие: она зарумянилась и стала еще прелестнее. Однако время было рабочее, и мне хотелось выяснить, насколько она перспективна как клиентка. Поэтому я решил ей отказать, но не успел облечь отказ в вежливую форму, как она спросила:

– А ваша Южная комната на третьем этаже запирается изнутри на засов?

Я нахмурился. У меня появилось подозрение, что заработать она нам не даст. Должно быть, пишет для какого-нибудь журнала и явилась сюда в надежде собрать материал для статьи о доме известного детектива. Но даже если так, ее не выведешь за ухо на крыльцо и не спустишь с него на тротуар. И потом, эти глаза... Почему бы и не отнестись снисходительно к ее вывертам? До разумных пределов.

– Нет, – ответил я. – А что, вы считаете, там нужен засов?

– Может, и не нужен, – признала она. – Просто я подумала, что с ним мне было бы спокойнее. Понимаете, там-то я и хочу ночевать.

– Ах вот как? И долго ли?

– Неделю. Быть может, и чуточку дольше, но неделю точно. Я предпочла бы Южную комнату, а не ту, что на втором этаже, потому что при Южной есть ванная. Мне известно, как Ниро Вулф относится к женщинам. Потому-то я и решила сначала поговорить с вами.

– Разумно, – согласился я. – Розыгрыши я люблю и уверен, этот просто великолепен. И в чем же соль?

– Это не розыгрыш. – Она не вспылила, сохраняя простодушное спокойствие. – По некоторой причине мне потребовалось... потребовалось сбежать. Уехать куда-нибудь до тридцатого июня... Туда, где меня не найдут. Отель я отмела сразу и еще подумала... В общем, я как следует все обдумала и пришла к выводу: лучшим местом будет дом Ниро Вулфа. Никто не знает, что я сюда приехала. За мной никто не следил, в этом я уверена. – Девушка встала и подошла к красному кожаному креслу за сумочкой, которую оставила в нем вместе с жакетом; вернувшись назад, она раскрыла сумочку, достала портмоне и вновь устремила взгляд на меня. – Вы можете прояснить мне вопрос с оплатой, – заявила она так, будто я только того и жду. – Мне известно, сколько требует Вулф лишь за то, чтобы пошевелить пальцем. Как будет лучше: оговорить плату с ним или внести ее прямо сейчас вам? Пятидесяти долларов в день будет достаточно? Я заплачу, сколько скажете. Наличными, а не чеком. Тогда вам не придется платить с этих денег подоходный налог. И потом, на чеке стояло бы мое имя, а я не хочу, чтобы вы его знали. Я отдам вам деньги сейчас же. Только назовите сумму.

– Так не пойдет, – возразил я. – Во всех отелях и пансионах постояльцы обязаны называть свое имя при заселении. Мы можем придумать вам какое-нибудь. Как насчет Лиззи Борден?²

Она отреагировала на эту шутку, как на коку с ромом, – чуть зарделась.

– Полагаете, это смешно? – поинтересовалась она.

Я сохранял непреклонность.

– Пока, – заметил я, – все в целом выглядит комично. Так вы не собираетесь назвать нам свое имя?

² Лиззи [Эндрю] Борден (1860–1927) – американка, в 1892 г. представшая перед судом по обвинению в убийстве отца и мачехи из-за наследства, но оправданная за недостатком прямых улик. Споры о ее виновности не утихли по сей день.

– Нет.

– И сообщить, где живете? Вообще ничего?

– Нет.

– Вы преступница или соучастница преступления? Скрываетесь от правосудия?

– Нет.

– Докажите.

– Это глупо! Я не должна ничего доказывать!

– Должны, если рассчитываете на пансион. Мы весьма привередливы. В Южной комнате и без того уже ночевало четверо убийц... Последней была миссис Флорид Уиттен³, года три назад. И меня это волнует больше всех прочих, поскольку моя комната находится на том же этаже. – Я сокрушенно покачал головой. – При подобных обстоятельствах продолжать разговор бессмысленно, и это весьма прискорбно. Заняться мне особо нечем, а вы отнюдь не пугало. Но пока вы склонны сохранять инкогнито... – Я осекся. Мне вдруг пришло в голову, что есть выход получше, чем просто выгнать ее. Даже если клиент она никакой, для моих целей все равно сгодится. Я взглянул на нее и произнес с сомнением: – Не знаю. Назовите ваше имя.

– Нет! – категорично ответила она.

– Почему нет?

– Потому что... Что оно вам даст, если вы поверите мне на слово? Откуда вам знать, что это мое настоящее имя? А мне не хочется, чтобы вы начали наводить справки. Ни у кого не должно появиться и малейшей догадки о том, где я пропадаю целую неделю – до тридцатого июня.

– А что произойдет тридцатого июня?

Она покачала головой и улыбнулась:

– Вопросы задавать вы горазды. Это мне известно. Потому-то я и не собираюсь отвечать. Не хочу, чтобы вы пытались что-то выяснять. Так же как и Ниро Вулф. Просто позвольте мне пожить у вас неделю. В Южной комнате. И столоваться там. Думаю, я и без того наговорила слишком много. Наверное, мне стоило сказать... Нет, пожалуй, это не сработало бы. – Она издала короткий смешок, такое тихое журчание. – Скажи я, что потеряла голову, прочитав о вас и увидев ваше фото, и решила провести рядом с вами хотя бы одну чудесную неделю, вы бы поняли, что я вру.

– Совсем не обязательно. Подобные чувства испытывают миллионы женщин. Только они не в состоянии платить пятьдесят долларов в день.

– Я сказала, что заплачу и больше. Сколько запросите.

– Да, я понял. Давайте уладим этот вопрос. Значит, вы собираетесь сохранять инкогнито?

– Именно так.

– Тогда вам лучше предоставить мистера Вулфа мне. Он спустится через три четверти часа, – сообщил я, бросив взгляд на наручные часы, и поднялся с кресла. – Я провожу вас наверх и оставляю там, а когда он явится, попытаюсь его обработать. Скорее всего, это безнадежно. Вряд ли удастся подсунуть ему товар без этикеток. Но вдруг я сумею уломать его хотя бы выслушать вас? – Взяв с кресла ее жакет, я повернулся к ней. – Возможно, его смягчит вид наличных. Порой созерцание купюр производит на людей самое благотворное действие. Скажем, трехсот пятидесяти долларов, по вашей ставке. Но вы, конечно же, должны понимать: без одобрения мистера Вулфа сделка не возымеет силы.

Быстрыми и точными движениями она отсчитала семь пятидесятидолларовых банкнот из пачки, лежавшей в портмоне. Оставалось там вполне достаточно. Я сунул плату за пансион в карман, сходил в прихожую за чемоданом и шляпной коробкой и повел гостью вверх по

³ Отсылка к повести Рекса Стаута «Цветов не посылать».

лестнице на третий этаж. Дверь в Южную комнату была распахнута. Я поставил на пол багаж, поднял жалюзи и открыл окно.

Она тем временем осматривалась по сторонам.

– Большая комната, – одобрила девушка, подняла было руку, словно намереваясь коснуться моего рукава, но тут же ее опустила. – Весьма признательна вам, мистер Гудвин.

Я хмыкнул, поскольку не был готов к романтическим отношениям с ней. Водрузив чемодан на стойку у изножья одной из двух кроватей, а коробку – на стул, я объявил:

– А теперь я должен проследить, как вы их распакуете.

Ее глаза округлились.

– Проследить за мной? Зачем?

– Да так, потехи ради. – Меня охватило раздражение. – В этом городе и его окрестностях не меньше тысячи человек полагают, что Ниро Вулф зажился на этом свете. Возможно, кое-кто из них решил, что пора вмешаться. Комната Вулфа, как вам, несомненно, известно, располагается прямо под этой. И я не удивлюсь, если у вас в чемодане лежит коловорот и бур, а в шляпной коробке – щитомордник или гремучая змея. Они заперты?

Девушка вытаращилась на меня: уж не шучу ли я? Убедившись, что не шучу, подошла и открыла чемодан. Я тут же оказался рядом. Сверху лежал синий шелковый пеньюар. Она взяла его и положила на кровать.

– Ну и потеха! – негодуяше процедила она.

– Поверьте, мне это доставляет еще меньше удовольствия, чем вам, – уверил я. – Просто притворитесь, будто меня здесь нет.

Я отнюдь не искушенный ценитель дамского белья, хотя определенные предпочтения у меня все-таки имеются, а у нее оказалась целая коллекция. Даже какое-то просторное одеяние в складку, прозрачное, словно паутина, с самыми мелкими ячейками, какие мне только доводилось видеть. Когда она разложила его на кровати, я вежливо поинтересовался:

– Это блузка?

– Нет. Пижама.

– О! Превосходно для жары.

Когда чемодан опустел, я простучал его и прощупал со всех сторон, снаружи и внутри. Подобные предосторожности, поверьте, были отнюдь не лишни. Каких только смертоносных даров не приносили в наш дом! Среди них копьеголовую змею, цилиндр со слезоточивым газом и баллон с цианом⁴. Однако ни двойного дна, ни прочих тайников в чемодане не обнаружилось, равно как и в шляпной коробке. Что до их содержимого, то более приятной и изысканной подборки вещей, удовлетворяющих потребности девушки, которая вознамерилась провести тихо и невинно неделю в уединенной комнате дома частного детектива, и желать было нельзя.

– Полагаю, достаточно, – заявил я удовлетворенно. – Я не осмотрел вашу сумочку и не обыскал вас, поэтому, надеюсь, вы не станете возражать, если я запру дверь. Видите ли, какое дело: если вы, прокравшись в спальню мистера Вулфа, подбросите ему таблетку цианистого калия в пузырек с аспирином, а он ее примет, я лишусь работы.

– Естественно, – прошипела она. – Заприте хорошенько. Я такие номера откалываю ежедневно.

– Тогда за вами необходимо присматривать, что я и делаю. Как насчет выпивки?

– Если это не сильно вас затруднит.

Я заверил, что ничуть, и запер комнату на ключ, который прихватил в кабинете. Внизу, заглянув на кухню, чтобы попросить Фрица отнести коктейль в Южную комнату, где у нас заперта гостья, и передать ему ключ, я прошел в кабинет, достал из кармана семь банкнот, развернул их веером и положил на стол Вулфа под пресс-папье.

⁴ Отсылка к романам Рекса Стаута «Острие копья», «Даже в лучших домах» и к повести «Черные орхидеи».

Глава 2

В одну минуту седьмого я услышал шум лифта, в котором спускался Вулф, но был уже настолько погружен в дела, что не смог оторваться даже на секунду, чтобы повернуть голову и наблюдать за его появлением в кабинете. Я следил за ним на слух. Вот он приближается к столу, усаживается в кресле, рассчитанном на его вес четыре тысячи унций, устраивается поудобнее и нажимает на звонок. Вот с кряхтением тянется за книгой, которую читал и оставил двумя часами ранее, заложив ее фальшивой десяткой с автографом прежнего министра финансов, расписавшегося на ней красными чернилами в знак признательности за оказанные услуги. Затем я услышал, как Вулф обращается к Фрицу, когда тот принес пиво:

– Фриц, это ты оставил здесь деньги?

Естественно, тут уж я вынужден был вмешаться и оторвался от своих трудов:

– Нет, сэр, это я.

– Вот как? Благодарю, Фриц.

Вулф достал из ящика восемнадцатикратную золотую открывашку, откупорил бутылку и налил пиво в стакан. Фриц удалился. Вулф дал немного осесть пене, но не до конца, и сделал два солидных глотка. Поставив пиво, он постучал пальцем по новеньким – не поддельным – купюрам, по-прежнему лежавшим веером под пресс-папье, и спросил:

– Ну? Что за вздор?

– Никак нет, сэр.

– А что же тогда?

И тут я с пылкой искренностью произнес:

– Я признаю, сэр, всю справедливость слов, сказанных вами в пятницу. Ну, относительно моих непомерных трудов и остатка на счете... Мне и вправду горько. У меня такое чувство, что я не вношу своего вклада в общее дело, в то время как вы по четыре часа в день обливаетесь потом наверху, в оранжерее. Вот я сидел здесь и обдумывал все это... Нечасто на мою долю выпадают такие тягостные раздумья... И вдруг звонок в дверь. – На мое вступление Вулф отреагировал вполне предсказуемым образом: принялся читать, обратившись к отмеченному месту, но я продолжил: – На пороге стояла человеческая особь женского пола на третьем десятке, с потрясающими глазами, прекрасной фигурой, лакированными кожаными чемоданом и шляпной коробкой. Она громко заявила о своем знакомстве с домом, вами и мной, обнаружив завидную начитанность. Я привел ее сюда, и мы мило поболтали. Она не назвала своего имени – не сообщила о себе вообще ничего. Ей не нужен ни совет, ни информация, ни услуги детектива – решительно ничего. Все, что ей требуется, – это стол и кров на неделю. Причем столоваться она желает у себя в комнате. Ей приглянулась Южная, которая, как вам известно, располагается на одном этаже с моей. – Я слегка махнул рукой, изображая скромность, однако видеть этого Вулф не мог, поскольку не отрывал глаз от книги. – Вы, с вашим опытом и умом, наверняка уже вывели из моих слов, что я вынужден был согласиться. Она не только прочла обо мне, но и видела мою фотографию. Бедняжке хочется побыть рядом со мной. Как она выразилась, одну чудесную неделю. К счастью, денег у нее в избытке. Она заплатила за неделю вперед, по пятьдесят баксов за день. Вот откуда взялись эти деньги. Правда, я ничего ей не обещал, сказал, необходимо получить ваше согласие, и отвел ее в Южную комнату, где помог разобрать вещи, а потом запер. Там она сейчас и находится.

Он повернулся в кресле поближе к свету, практически спиной ко мне, я же невозмутимо продолжал:

– Она толковала о том, что ей надо где-нибудь перекантоваться до тридцатого июня. Там, где ее никто не найдет. Конечно, могла бы придумать объяснение получше. Никаких обязательств я на себя не брал, но готов пожертвовать временем и удобствами, если у меня будут

привычные восемь часов сна. Похоже, девушка она образованная и утонченная. Возможно, захочет, чтобы я почитал ей вслух. Тогда придется позаимствовать у вас кое-какие книжки. Скажем, «Путешествие Пилигрима» и «Очерки Элии»⁵. Еще она кажется очаровательной и невинной. У нее чудные ножки. Если она нам понравится и мы с ней поладим, один из нас вполне мог бы на ней жениться. Но сейчас важнее другое: раз уж я таким ловким манером внес в наш бюджет свой вклад наличными, вы можете подписать мне новый чек взамен того, который я порвал в пятницу.

Я извлек новый чек из ящика, где он уже лежал наготове, встал и положил его Вулфу на стол. Тот отложил книгу, взял ручку с подставки, подписал чек и пихнул его ко мне. Затем обратил на меня взгляд, в котором читалась дружеская признательность.

– Арчи, – начал он, – представление получилось весьма впечатляющим. В пятницу я сгоряча не то сказал, а ты не то сделал, а *fait accompli*⁶ в виде этого порванного чека загнал нас в тупик. Положение создалось щекотливое, но ты разрешил его восхитительно. Прибегнув к одной из характерных для тебя фантастически легкомысленных выдумок, ты обнажил всю абсурдность проблемы и таким образом снял ее. Превосходно и удовлетворительно.

Он достал банкноты из-под пресс-папье, сложил их в аккуратную пачку и протянул мне, заметив:

– Я и не знал, что в нашем неприкосновенном запасе есть пятидесятидолларовые банкноты. Убери-ка их лучше назад. Не люблю, когда разбрасываются деньгами.

Деньги я не взял:

– Не спешите. Нам светит заработок.

– Заработок?

– Да, сэр. Они не из сейфа. Они от посетительницы, как я и рассказал. В данный момент она находится наверху, в Южной комнате. Никаких фантастически легкомысленных и характерных выдумок. Она поживет у нас с неделю, если вы позволите. Привести ее сюда, чтобы вы определились?

– Еще не хватало! – возмущенно произнес Вулф и снова потянулся за книгой.

– Ладно, пойду приведу ее.

Я двинулся к двери, ожидая, что он остановит меня воплем, однако такового не последовало. Значит, он уверен, что это розыгрыш. Тогда я пошел на компромисс: заглянул на кухню и попросил Фрица зайти на минутку к нам в кабинет. Вулф даже не оторвался от чтения.

– Тут вот такая история, – обратился я к Фрицу. – Мистер Вулф полагает, будто я преувеличиваю. Наша гостья, которой ты относил коктейль в Южную комнату наверху... Она что, старая, изможденная, ущербная, страшная и кривобокая?

– Ну что ты, Арчи, – упрекнул меня Фриц. – Как раз напротив. С точностью до наоборот!

– Верно. Так ты запер ее там?

– Конечно. Я же отдал тебе ключ. И ты сказал, она, вероятно, будет обедать...

– Да-да, мы сообщим тебе. Ладно, на этом все.

Фриц метнул взгляд на Вулфа и, не дождавшись от него ни слова, вышел. Вулф выждал, пока не раздастся звук закрываемой кухонной двери, отложил книгу и процедил:

– Так это правда? – Судя по его тону, я ни больше ни меньше как напустил полную оранжерею насекомых-вредителей. – Ты действительно поселил женщину в моем доме?

– Вообще-то, не поселил, – запротестовал я. – Это слишком сильно сказано. И подразумевает, будто я преследую личные...

– Где ты ее взял?

⁵ «Путешествие Пилигрима [в Небесную Страну]» – религиозное сочинение английского писателя и баптистского проповедника Джона Баньяна (1628–1688), первая часть которого увидела свет в 1678 г., а вторая – в 1684-м. «Очерки Элии» (1820) – сборник очерков и эссе английского поэта, публициста и критика Чарлза Лэма (1775–1834).

⁶ Свершившийся факт (фр.).

– Я не взял. Говорил же вам: она сама пришла. Я ничего не выдумывал. Просто отчитывался.

– Выкладывай все снова. Только голые факты.

Сделать это было легче легкого. И не такие указания выполнять доводилось. Я в точности описал ему все случившееся, начиная с того, как открыл дверь и впустил девушку, и заканчивая тем, как запер гостью в Южной комнате. Вулф слушал меня, откинувшись на спинку кресла и прикрыв глаза, как и всегда во время подробных отчетов. Вопросы не задал ни одного – просто открыл глаза и рявкнул:

– Отправляйся наверх и верни ей деньги! – Потом посмотрел на настенные часы. – Обед через двадцать минут. Выпроводи ее из дому через десять. Помоги собрать чемодан.

Тут я заартачился. Оглядываясь назад, я признаю, что самым естественным было бы, как обычно, исполнить его распоряжение. В конце концов, я добился своего, достигнув сразу двух целей: вlepил ему хорошенько за чертову привередливость при выборе работы и клиентов и к тому же получил новый чек взамен порванного. Девица сыграла уготованную ей роль. Так почему бы и не выгнать ее взащей? Но должно быть, что-то в ней, возможно то, как она укладывала вещи в чемодан, меня тронуло, так как я вдруг занял жесткую позицию.

Действуя в качестве его доверенного лица, заявил я Вулфу, я пообещал посетительнице, что он ее примет. Вулф только хмыкнул на это. Тогда я предположил, быть может, он сумеет разговорить ее, убедит отбросить таинственность, назваться и рассказать о своих неприятностях. Тогда нам светит гонорар, который позволит еще целый год выплачивать мне жалованье. Он снова хмыкнул.

– Ладно, – сдался я, – попробует бакаляу в другом месте. Возможно, в Восточном Гарлеме – там ведь полно португальцев. Не надо было мне заикаться об этом.

– Бакаляу? – переспросил он.

– Ага. Я случайно обмолвился, какое блюдо будет у нас на обед. Она спросила, что это такое, и я объяснил. Так она заявила, мол, соленую треску есть невозможно, как бы ее ни приготовили, пускай даже и по усовершенствованному вами и Фрицем португальскому рецепту. – Я пожал плечами. – Ладно. Все равно она может оказаться убийцей. Какая разница, если мы нарушим собственные правила, выставив ее из дому голодной до обеда? Ну, уломал я ее попросить соленую треску, а теперь, выходит, должен выгонять ненакормленной? Кто я такой? – Я встал, взял семь пятидесятидолларовых банкнот со стола Вулфа и печально произнес: – Итак, мы возвращаемся к тому, с чего начали. Деньги ей придется вернуть. Значит, наш банковский счет я не пополнил и положение с моим чеком возвращается к прошлой пятнице. Выбора у меня нет.

Я потянулся к своему столу за чеком, который Вулф совсем недавно подписал, схватил его посередине большим и указательным пальцем за верхний край...

– Арчи! – взревел Вулф. – Не рви его!

До сих пор представления не имею, что ожидало бы квартирантку, останься решение за нами. Нежелание выгонять квартирантку из дому голодной, инстинктивная реакция на вызов, заключенный в утверждении о несъедобности соленой трески, и угроза порвать еще один чек возымели свое действие: девушку не выгнали до обеда. Более того, Вулф лично проинспектировал поднос, приготовленный для нее Фрицем.

При всем том никакого окончательного решения Вулф не озвучил, а мой вопрос оставил без внимания. Мы с ним обедали, как обычно, в столовой. Бакаляу с гарниром и овощами оказалась столь хороша, что на телятину меня уже не хватило, но орехового пудинга я все же отведал.

Когда было покончено с кофе и я последовал за Вулфом в кабинет, мне представлялось, что первым пунктом в повестке дня будет мисс или миссис Икс. Но Вулф даже не потрудился открыть заседание. После обильной еды – а обед у нас всегда такой – Вулфу требуется минуты

четыре, а то и пять, чтобы удобно устроиться в кресле. Покончив с этим в тот вечер понедельника, он раскрыл книгу и принялся за чтение.

Жаловаться мне было не на что, хотя решение оставалось за ним. Девушка сидела наверху взаперти, уже накормленная, и он это знал. Вулф мог позволить ей остаться – вещь немислимая, – или пригласить для беседы, или выгнать – а я, в свою очередь, мог подействовать ему, но мог и отказаться.

Как бы то ни было, в мои намерения не входило оставлять первый шаг за ним. И когда он уткнулся в книгу, я лишь пару минут сидел молча, разглядывая его, потом встал и направился к двери.

Сзади донесся его возглас:

– Ты ведь не собираешься на прогулку?

Я повернулся и вкрадчиво поинтересовался:

– А почему бы и нет?

– Та женщина, которую ты протащил сюда тайком... Был уговор, ты избавишься от нее после обеда.

Бесстыдная ложь! Никакого уговора не было, и Вулф это знал. Однако он, несомненно, принял боевую стойку и сделал ложный выпад. Настал мой черед. Вероятно, приказ о выдворении квартирантки был бы отдан незамедлительно и бесповоротно, если бы нас не прервали. Раздался звонок в дверь. До прихожей мне оставалось всего два шага, и я их сделал.

После наступления темноты я никогда не открываю входную дверь, не включив предварительно на крыльце свет и не посмотрев через одностороннюю стеклянную панель. На этот раз оказалось достаточно беглого взгляда. Он был один, примерно вдвое меня старше, высокий и костлявый, с выступающей квадратной челюстью, в плотно сидящей темно-серой фетровой шляпе и с портфелем под мышкой. Я открыл дверь и поздоровался. Проиригнорировав мое приветствие, он сообщил, что его зовут Перри Хелмар и ему необходимо срочно повидаться с Ниро Вулфом. Обычно, если Вулф находится в кабинете и является незнакомец, я оставляю пришедшего на крыльце, а сам иду доложить о нем. Однако на этот раз, пользуясь шансом уколоть Вулфа и оттянуть решающий поединок до отхода ко сну, я впустил визитера и, водрузив его шляпу на вешалку, повел в кабинет.

Какую-то секунду я полагал, что Вулф, взбеленившись, встанет и молча выйдет. На моей памяти он проделывал это не единожды, если приходил к выводу, что кто-то – необязательно я – совершенно невыносим. Подобная мысль действительно пришла ему на ум – такой вот его взгляд я знаю слишком хорошо, – однако уступила нежеланию покидать удобное кресло. Вулф сидел и, возмущенно насупившись, смотрел на посетителя.

– Должен объяснить, – начал посетитель хриплым ораторским баритоном, таким же строгим и сухим, как и он сам, – что явился к вам без предупреждения, поскольку мне известна ваша деловая репутация и я знаю мнение о вас моего друга Дика Уильямсона – Ричарда Э. Уильямсона, хлопкового брокера. Он говорит, однажды вы сотворили для него подлинное чудо. – Хелмар вежливо замолчал, предоставив Вулфу возможность отозваться на сие льстивое вступление, и Вулф наклонил голову на одну восьмую дюйма. – Я не прошу о чуде, но мне все же необходимы быстрота, энергичность и проницательность. – Он сидел в красном кожаном кресле, положив портфель на стоявший рядом столик. – И осмотрительность... Это важно. Вам они свойственны, как мне известно. Теперь два слова обо мне. Я являюсь старшим партнером уважаемой адвокатской фирмы. Наш офис располагается на Уолл-стрит, сорок. Исчезла девушка, за которую я несу ответственность. Есть основания опасаться, что она совершит какую-нибудь глупость и, возможно, даже подвергнет себя опасности. Ее необходимо найти как можно скорее.

Я открыл ящик, чтобы извлечь блокнот, и взялся за ручку. Что могло быть приятнее? Исчез человек, и старший партнер почтенной фирмы с Уолл-стрит в панике бросается к нам на

ночь глядя, даже не задержавшись для предварительного звонка. Взглянув на Вулфа, я подавил ухмылку. Губы его были плотно сжаты в смиренном принятии неизбежного. Впереди маячила работа – работа, отвертеться от которой ему наверняка не удастся ни под каким разумным предлогом. И до чего же он это ненавидел!

– У меня конкретное предложение, – сказал Хелмар. – Я заплачу вам пять тысяч долларов и возмещу неизбежные расходы, если вы найдете ее и я смогу с ней связаться до двадцать девятого июня, то есть в течение шести дней. И я заплачу вдвойне – десять тысяч, – если вы предъявите ее мне в Нью-Йорке, живой и здоровой, к утру тридцатого июня.

Я с подобающим почтением пожирал его глазами, когда он говорил о пяти, а потом о десяти штуках, но, услышав дату, тридцатое июня, опустил взгляд на блокнот. Это могло быть простым совпадением, но у меня возникло острейшее предчувствие, что совпадения тут нет, а я уже научился доверять своим предчувствиям. Я чуть поднял взгляд, чтобы увидеть лицо Вулфа, но не обнаружил ни единого признака, что дата огорошила его так же, как меня.

Он глубоко вдохнул, не без изящества капитулируя перед необходимостью работы.

– А полиция? – без особой надежды поинтересовался он.

– Как я уже сказал, – покачал головой Хелмар, – важно проявлять осмотрительность.

– Потому обычно и нанимают частных детективов. Изложите мне факты вкратце. Поскольку вы адвокат, то должны знать, что мне нужно, чтобы решить, стоит ли браться за эту работу.

– А почему бы вам за нее не взяться?

– Не знаю. Расскажите о ней.

Хелмар поерзал на сиденье и откинулся на спинку кресла, но непринужденной его позу я бы не назвал, да и пальцы он сплетает и расплетает отнюдь не по привычке. Он явно был на взводе.

– В любом случае, – произнес он, – это конфиденциальная информация. Пропавшую девушку зовут Присцилла Идз. Я знаю Присциллу с пеленок и являюсь ее официальным опекуном, а также попечителем собственности по завещанию ее отца, умершего десять лет назад. Она проживает в квартире на Восточной Семьдесят четвертой улице. Этим вечером мне надо было заехать туда, чтобы обсудить с ней кое-какие деловые вопросы. Я прибыл туда в самом начале девятого, однако дома ее не застал. Горничная была встревожена, поскольку ожидала госпожу домой к обеду пораньше, а от той все еще не поступило никаких известий.

– Такие подробности мне ни к чему, – нетерпеливо прервал его Вулф.

– Хорошо, я буду краток. На письменном столе Присциллы я обнаружил адресованный мне конверт. В нем была записка от руки. – Хелмар потянулся за портфелем и открыл его. – Вот она. – Он извлек сложенный лист синеватой бумаги, но отложил его, чтобы достать из кармана футляр и надеть очки в черной оправе, потом снова взялся за бумагу. – Тут говорится: «Дорогой Перри...» – Он замолчал и поднял взгляд на меня, а затем на Вулфа. – Она называет меня по имени с двенадцати лет, когда мне самому было сорок девять. Так посоветовал ей отец.

Очевидно, он ожидал комментариев, и Вулф снизошел до них, пробормотав:

– Это ненаказуемо.

– Это я так, к слову пришлось, – кивнул Хелмар. – Тут говорится: «Дорогой Перри, надеюсь, ты не очень рассердишься, что я тебя подвела. Я не собираюсь делать глупостей. Просто хочу ощущать почву под ногами. Сомневаюсь, что ты получишь от меня вести до тридцатого июня, но после – непременно. И пожалуйста – я действительно этого хочу, – пожалуйста, не пытайся меня отыскать. С любовью, Прис». – Хелмар сложил и убрал письмо в портфель. – Пожалуй, стоит объяснить всю значимость тридцатого июня. В этот день моей подопечной исполняется двадцать пять лет, и, согласно завещанию ее отца, опека прекращается, и она вступает в полное владение своей собственностью. Это основное положение, но, как всегда, существуют и осложнения. Одно из них заключается в том, что крупнейшая часть ее собствен-

ности – это девяносто процентов акций весьма солидной и успешной корпорации, а кое-кто в ее руководстве отнюдь не рад тому, что моя подопечная вот-вот вступит во владение компанией. Другое – бывший муж моей подопечной.

– Живой? – нахмурился Вулф, так как неизменно отказывается вмешиваться в супружеские свары.

– Да. – Хелмар тоже нахмурился. – Этот брак – роковая ошибка моей подопечной. Она сбежала с этим парнем в Южную Америку, когда ей было девятнадцать, через три месяца бросила его, а в тысяча девятьсот сорок восьмом развелась. В дальнейшем никаких контактов они не поддерживали, но две недели назад я получил от него письмо, адресованное мне как попечителю собственности. В нем утверждалось, будто вскоре после свадьбы моя подопечная подписала некий документ, в соответствии с которым половина ее собственности по закону принадлежит экс-супругу. Сомневаюсь...

Тут я вмешался, так как и без того достаточно долго пребывал в неопределенности.

– Как, говорите, ее имя? – брякнул я. – Присцилла Идз?

– Да, она вернулась к девичьей фамилии. Мужа зовут Эрик Хаг. Сомневаюсь...

– Кажется, я встречал ее. Полагаю, вы принесли фотографию? – Я встал и подошел к нему. – Хотелось бы взглянуть.

– Конечно. – Хелмара совершенно не волновала мелкая сошка, встрявшая в разговор, но он все-таки снизошел до того, чтобы потянуться за портфелем и пошарить в нем. – У меня с собой три неплохих снимка. Я прихватил их из ее квартиры. Вот они. – Я взял карточки и принялся разглядывать, а он продолжил: – Я сомневаюсь, что его притязания имеют какую-то юридическую силу, но вот с моральной точки зрения... Тут вопрос может быть уместен. Уж точно для моей подопечной. Его письмо пришло из Венесуэлы. Думаю, она могла отправиться туда, чтобы повидаться с ним. Она твердо намеревалась... то есть намеревается... быть здесь тридцатого июня. Но сколько летит самолет из Нью-Йорка в Каракас? Думаю, не более двадцати часов. Есть в ней жилка сумасбродности. Первым делом необходимо проверить все списки пассажиров, улетевших в Венесуэлу. Если это в пределах человеческих возможностей, я хочу связаться с ней, прежде чем она увидится с Хагом.

Я протянул фотографии Вулфу:

– Есть на что посмотреть. Не только на снимках. Я действительно видел ее, как и думал. Совсем недавно. Совершенно позабыл где и когда, но мне смутно припоминается, что это произошло в тот самый день, когда на обед у нас была бакаляу. Я не...

– Черт, что ты там лопочешь? – перебил меня Вулф.

Я посмотрел ему в глаза.

– Вы меня слышали, – отрезал я и сел.

Глава 3

После того как обнаружилось, что Присцилла Идз скрывается не где-нибудь, а наверху, в Южной комнате, Вулф разыграл перед Перри Хелмаром один из лучших своих спектаклей. Требовалось побыстрее выпроводить Хелмара, но так, чтобы он не раздумал прибегать к нашим услугам, и при этом не связать себя обязательством. Вулф прервал переговоры, объявив, что откладывает решение до утра, а если надумает взяться за дело, я позвоню Хелмару на работу в десять утра, чтобы узнать дополнительные подробности. Хелмар, естественно, взорвался. Он жаждал немедленных действий.

– Что бы вы подумали обо мне, – стоял на своем Вулф, – если бы я согласился на ваше предложение и начал работать по делу, основываясь исключительно на представленной вами здесь и сейчас информации?

– Что бы я подумал? Да ведь именно этого я и хочу!

– Конечно же нет, – возразил Вулф. – Ведь в таком случае вы бы наняли олуха. Я никогда не видел вас прежде. Возможно, вы и впрямь Перри Хелмар, а может – Эрик Хаг. Я вынужден опираться только на ваши слова. Все рассказанное вами может быть правдой, а может и не быть. Я предпочел бы, чтобы мистер Гудвин встретился с вами в вашем офисе, чтобы он заглянул в квартиру вашей подопечной и переговорил с ее горничной. Я способен на энергичные действия, но от безрассудных меня увольте. А если вам нужен детектив, который хватается за любую работу по просьбе первого встречного, мистер Гудвин назовет вам кое-какие имена и адреса.

Хелмар – вот ведь упрямец! – принялся выдвигать контраргументы и предложения. Почему бы нам не позвонить Ричарду Э. Уильямсону? Тот подтвердит его личность и засвидетельствует чистоту намерений. Зачем откладывать до завтра визит на квартиру его подопечной и разговор с горничной?

На это Вулф возразил, что до утра без меня ему никак не обойтись, так как мы совместно решаем некую важную проблему. Чем скорее Хелмар покинет нас и позволит вернуться к ее обсуждению, тем лучше.

Наконец адвокат удалился. Убрал фотографии в портфель и сунул его под мышку, а в прихожей позволил мне снять его шляпу с вешалки и открыть перед ним дверь.

Я направился назад в кабинет, однако не успел войти, как Вулф рывкнул:

– Веди ее сюда!

Я остановился:

– Понял. Мне ее проинформировать?

– Нет. Веди сюда.

Я помедлил, подбирая слова:

– Как вам известно, она моя. Это я занялся ею и запер наверху, чтобы вас разыграть. Спроси я у вас разрешения, вы бы попросту ее выгнали. Вы велели отдать ей бабки и избавиться от нее. Она моя. После того, что сообщил Хелмар, вы, скорее всего, вцепитесь в нее мертвой хваткой. И я оставляю за собой право, если – и когда – сочту уместным, подняться, взять ее багаж, проводить ее до двери и выпустить.

Он явственно хихикнул. Такое с ним бывает нечасто, и за все годы работы на него мне так и не удалось как-то классифицировать это хихиканье. Оно могло означать что угодно, начиная от злорадства и заканчивая признанием, что ситуацией владею я. Несколько секунд я сверлил его взглядом, ожидая объяснений, однако объясняться он не пожелал.

Я развернулся, прошел к лестнице, поднялся на два этажа, вставил ключ в замочную скважину, повернул его и, назвавшись, постучал. В ответ последовало приглашение войти. Я распахнул дверь и вошел в комнату.

Она явно чувствовала себя как дома. Одна постель была разобрана. Покрывало с нее, аккуратно свернутое, лежало на другой кровати. Девушка сидела за столом возле окна и при свете настольной лампы возилась с ногтями. Она была в синем пеньюаре, босая и теперь выглядела миниатюрнее и моложе, чем в персиковом платье.

– Я сделала вам одолжение, – объявила она без всякого выражения недовольства. – Через десять минут я отправляюсь в кровать.

– Сомневаюсь. Вам придется одеться. Мистер Вулф хочет поговорить с вами у себя в кабинете внизу.

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас.

– А почему он сам не может подняться?

Я посмотрел на нее. В подобном одеянии для меня она воплощала собой экстаз, для Вулфа, в его собственном доме, – бесстыдство.

– Потому что на этом этаже нет подходящих для него кресел. Я подожду снаружи.

Я вышел в коридор, прикрыв за собой дверь. Я вовсе не важничал и не задавался. Да, это именно я подцепил нечто обернувшееся для нас возможностью срубить десять кусков, но приемлемых способов обратить их в наличные не видел и к тому же понятия не имел, какую линию изберет Вулф. Я изложил свою позицию, а он в ответ лишь похихикал.

Много времени на перемену туалета ей не понадобилось, чем она заработала дополнительные очки. Появившись снова в персиковом платье, девушка подошла ко мне и спросила:

– Он сильно взбеленился?

Я предпочел не тревожить ее раньше времени. Лестница у нас достаточно широкая, чтобы двое могли идти по ней бок о бок, и она взяла меня под руку. Я посчитал это правильным и уместным. Я ведь сказал Вулфу, что она моя, подразумевая тем самым не только права, но и обязанности.

Возможно, я даже немного выпятил грудь, когда мы вошли в кабинет, хотя и сделал это непроизвольно.

Протянув руку, она ринулась к столу Вулфа и дружелюбно возвестила:

– Именно так вы и выглядите! Как я и думала! Я бы...

Она умолкла, так как натолкнулась на полное безразличие. Он и бровью не повел, а лицо его пускай и не выражало враждебности, ответным дружелюбием все же не светилось. Она опустила руку. Вулф произнес:

– Я не пожимаю вам руки, чтобы вы потом не расценили этот жест как лицемерие. Там видно будет. Садитесь, мисс Идз.

Досталось же ей, подумал я. Не очень-то приятно, когда отвергают твою доверчиво протянутую руку, каковы бы ни были причины. Получив от ворот поворот, она покраснела, раскрыла рот и тут же захлопнула его, посмотрела на меня, снова на Вулфа, а затем, как будто решив проявить выдержку, направилась к красному кожаному креслу. Однако, не дойдя до него, она резко обернулась и требовательно переспросила:

– Как вы назвали меня?

– Вашей фамилией. Идз.

Она потрясенно уставилась на него. Потом перевела взгляд на меня.

– Как? – спросила она. – Почему вы мне не сказали? Но как?

– Послушайте, – обратился я к ней, – вас ожидал удар, так какая разница, кто его нанес – он или я? Сядьте и смиритесь с неизбежным.

– Но вы же не могли... – Она осеклась, подошла к креслу и села; ее поразительные глаза обратились на Вулфа. – Хотя это все равно почти ничего не меняет. Полагаю, мне придется заплатить больше, но я и так была готова. Я говорила мистеру Гудвину.

– А он ответил, что, хотя и берет ваши деньги, окончательное решение оставляет за мной, – кивнул Вулф. – Арчи, будь так добр, возьми деньги и отдай их мисс Идз.

Естественно, я ожидал подобного и заранее решил не делать из этого проблему. Если – и когда – я должен принять ту или иную точку зрения, то склонен занимать самую четкую из всех очевидных позиций. Поэтому я встал, подошел к сейфу, открыл его, достал семь новеньких пятидесятидолларовых банкнот и протянул Присцилле, но она и не подумала взять их.

– Возьмите, – посоветовал я. – Если хотите покапризничать, найдите место получше.

Я бросил деньги ей на колени и вернулся на свое место.

– Ваше присутствие здесь, мисс Идз, нелепо, – начал Вулф, когда я сел. – Тут вам не пансионат, не приют для истеричек. Это моя...

– Я не истеричка!

– Ладно, отказываюсь от этого слова. Это не приют для неистеричек. Это мой офис и мой дом. Вы пожаловали сюда и изъявили желание пожить здесь неделю, спать и есть в комнате прямо над моей. При этом вы не потрудились раскрыть ни свою личность, ни принудившие вас к этому обстоятельства, что абсурдно. Мистер Гудвин это прекрасно знал и немедленно выставил бы вас, если бы не решил использовать вашу эксцентричную просьбу с целью подразнить меня... Ну и конечно же, не будь вы столь молоды и привлекательны. Поскольку он так решил и вы необычайно привлекательны, вас отвели в комнату наверху, помогли разобрать чемодан, угощали коктейлями, подали обед, и весь привычный уклад жизни в моем доме оказался нарушен. Затем...

– Мне жаль. – Присцилла покраснела; лицо ее просто пылало. – Мне очень жаль. Я немедленно покину вас. – Она начала вставать.

Вулф жестом остановил ее:

– Подождите, будьте любезны. Произошли кое-какие события. У нас был посетитель. Он ушел всего полчаса назад. Некий Перри Хелмар.

Присцилла раскрыла рот:

– Перри! – и рухнула назад в кресло. – Вы сказали ему, что я здесь?!

– Нет! – резко ответил Вулф. – Он приехал к вам на квартиру и обнаружил, что вы исчезли, оставив ему записку... Вы ведь оставили ему записку?

– Я... да.

– Прочитав ее и узнав, что вы удрали, он направился прямо сюда. Хотел нанять меня, чтобы я отыскал вас. Рассказал, что скоро вам исполнится двадцать пять лет и что недавно он получил от вашего бывшего мужа, ныне проживающего в Венесуэле, письмо, где говорится, будто вы подписали некий документ, отдающий во владение супруга половину вашей собственности. Вы и вправду его подписали?

– Да.

– Ну не глупо ли это?

– Да, но тогда я была душой, поэтому и делала глупости.

– Ну-ну. Посмотрев фотографии, принесенные мистером Хелмаром, мистер Гудвин, конечно же, вас узнал и предупредил об этом меня, не вводя в курс дела мистера Хелмара. Однако мистер Хелмар к тому времени уже сделал предложение. Он пообещал заплатить мне десять тысяч долларов и возместить неизбежные расходы, если я предъявлю вас ему в Нью-Йорке, живой и здоровой, к утру тридцатого июня.

– Предъявите меня? – Присцилла рассмеялась, хотя и не весело.

– Именно так он и выразился. – Вулф откинулся на спинку кресла и потер губу. – В тот момент, когда мистер Гудвин опознал вас на фотографиях и сообщил об этом мне, я, конечно же, оказался в сомнительном положении. Я зарабатываю на жизнь и поддерживаю дорогостоящее хозяйство частным сыском и донкихотства позволить себе не могу. Когда мне предлагают надлежащую плату за приемлемую работу в той области, где я сведущ, я от нее не отказыва-

юсь. Деньги мне нужны. Итак, ко мне приходит незнакомый человек и предлагает десять тысяч долларов за то, чтобы я нашел и предъявил некий объект к определенной дате, и по случайности – исключительно по случайности – объект этот заперт в комнате моего дома. Есть ли разумные доводы в пользу того, что я не должен разоблачить объект перед этим человеком и забрать свою плату?

– Понимаю. – Она поджала губы, а спустя мгновение облизала их кончиком языка. – Вот, значит, как. Весьма удачно, что он принес фотографии и показал их мистеру Гудвину, не так ли? – Ее взгляд устремился на меня. – Полагаю, вас можно поздравить, мистер Гудвин?

– Пока еще рано говорить об этом, – проворчал я. – Приберегите поздравления на потом.

– Я признаю, – продолжил Вулф, – что если бы принял от вас вознаграждение или его взял бы, никак это не оговорив, мистер Гудвин, то я должен был бы, блюдя ваши интересы, отвергнуть предложение мистера Хелмара. Но ни я, ни мистер Гудвин не брали на себя никаких обязательств. Я никоим образом не связан с вами. Никакие юридические, профессиональные или этические установления не мешали мне выдать вас ему и потребовать плату... Но, черт побери, у меня есть самоуважение! Я не мог и не смогу этого сделать. Есть также мистер Гудвин. Я отругал его за то, что он поселил вас в моем доме, и велел избавиться от вас. И если теперь я получу выкуп за вас, жить и работать с ним станет невозможно. – Вулф покачал головой. – Следовательно, мне отнюдь не повезло, что вы избрали убежищем мой дом. Отправься вы в какое-нибудь другое место, мистер Хелмар явился бы, чтобы нанять меня для ваших поисков, я взялся бы за это дело и, несомненно, заработал бы вознаграждение. Да, самоуважение не даст мне извлечь выгоду из вашего присутствия здесь – по случайности и воле мистера Гудвина. Тем не менее своекорыстие все же не позволит мне понести из-за этого убытки, и весьма солидные. Потому у меня есть два предложения... Два взаимоисключающих предложения. Первое простое. Когда вы договаривались с мистером Гудвином о проживании здесь, вы заявили ему, по сути, что готовы заплатить любые деньги. «Сколько запросите» – так вы сказали, по его словам. Вы разговаривали с ним как с моим агентом, а значит, со мной. И теперь я говорю: десять тысяч долларов.

Она так и вытаращилась на него, брови полезли на лоб.

– Я должна заплатить вам десять тысяч долларов?..

– Именно. Прокомментирую это так: я подозреваю, что в любом случае деньги придут от вас, если не напрямую, то опосредованно. Раз мистер Хелмар, как попечитель вашей собственности, обладает широкой свободой действий – а так, по-видимому, и обстоит дело, – то, скорее всего, он заплатит за то, чтобы вас нашли и предъявили ему, из этой самой собственности, поэтому в действительности...

– Это шантаж!

– Не думаю, что вы правильно...

– Это шантаж! Вы говорите, если я не заплачу вам десять тысяч долларов, вы выдадите мое местонахождение Перри Хелмару и получите эти деньги от него!

– Ничего подобного я не говорил. – Вулф сохранял спокойствие. – Я сказал, что у меня есть и альтернативное предложение. Если вам не нравится первое, то вот второе. – Он бросил взгляд на настенные часы. – Сейчас десять минут двенадцатого. Мистер Гудвин помог вам распаковать вещи, поможет и упаковать. Вы покинете нас через пять минут со всем багажом, и мы не пустим за вами хвост. Даже не станем следить из окна, в какую сторону вы направитесь. Мы забудем о вашем существовании на десять часов сорок пять минут. По истечении этого времени, в десять часов утра, я позвоню мистеру Хелмару, приму его предложение и начну ваши поиски. – Вулф махнул рукой. – Мне было бы крайне неприятно брать деньги непосредственно у вас. Я предпочел бы получить их через мистера Хелмара. Однако я подумал, что у вас должен быть и такой выбор. Я рад, что вы пренебрегли им, посчитав шантажом. Мне нравится думать, будто я зарабатываю по крайней мере частицу того, что получаю в качестве

платы. Однако данное предложение все же остается в силе до десяти часов утра, если вдруг вы предпочтете его игре в прятки.

– Я не собираюсь платить вам десять тысяч долларов! – вздернула она подбородок.

– Хорошо.

– Это нелепо!

– Согласен. Для меня подобная альтернатива постыдна. Уйдя отсюда, вы можете направиться прямо домой, позвонить мистеру Хелмару, сказать, что вернулись и увидите с ним утром, а потом отправиться в кровать, оставив меня ни с чем. Мне придется пойти на риск, иначе не получается.

– Я не собираюсь возвращаться домой и кому-то звонить.

– Как вам угодно. – Вулф снова посмотрел на часы. – Уже четверть двенадцатого, и вам не стоит терять время понапрасну, если хотите заставить меня поработать. Арчи, будь так добр, спусти багаж мисс Идз.

Я встал, не особо торопливо. Все обернулось прескверно, но что я мог поделывать? Присцилла мешкать не стала. Со словами «справлюсь сама, благодарю» вскочила с кресла и направилась к двери.

Я проследил, как она, пройдя прихожую, стала подниматься по лестнице, затем повернулся к Вулфу:

– Мне это больше напоминает «беги-овца-беги», как мы называли такую игру в Огайо. Там пастух кричит: «Беги, овца, беги!» Игра захватывающая и ужасно веселая, но, думаю, мне стоит сказать еще до ухода мисс Идз, что я не совсем уверен, хочу ли в нее играть. Быть может, вам придется меня уволить.

– Выставь ее, – только и пробурчал он.

Я неспешно поднялся вверх, полагая, что помощь Присцилле в сборе всех ее штук не потребуется. Дверь в Южную комнату была распахнута.

– Можно войти? – спросил я.

– Не беспокойтесь, – донесся ее ответ. – Я справлюсь.

Она сновала по комнате. Чемодан, раскрытый на стойке, был упакован на три четверти. Эта девушка могла бы быть классной попутчицей. Не обращая на меня внимания, она быстро и умело покончила с укладкой чемодана и взялась за шляпную коробку.

– Следите за деньгами, – произнес я. – У вас их много. Не давайте их в руки незнакомцам.

– Младшая сестренка отправляется в лагерь? – спросила она, по-прежнему не достаивая меня взглядом.

– Может, это и была шутка, вот только совсем не веселая.

– Ага. Внизу вы сказали, что меня можно поздравить, а я попросил приборечь поздравления. Сомневаюсь, что я заслуживаю их.

– Наверное, нет. Я беру их обратно.

Присцилла застегнула молнию на шляпной коробке, надела жакет и шляпку, взяла со стола сумочку. Потом потянулась за коробкой, но я уже подхватил ее, а также и чемодан. Она пошла первой, я – следом. В прихожей она даже не заглянула в кабинет, но я бросил туда взгляд. Вулф сидел за столом, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза. Когда я открыл входную дверь, Присцилла попыталась взять у меня чемодан и шляпную коробку, но я держал их крепко. Она продолжала упорствовать, я – тоже, а поскольку у меня было преимущество в весе, то я вышел победителем. Сойдя с крыльца, мы повернули на восток, добрались до Десятой авеню и перешли на другую сторону.

– Я не буду обращать внимание на марку и номер такси, – сказал я. – А если и обращу, то никому не расскажу и сам не буду искать его. Однако не могу обещать, что навсегда забуду ваше имя. Возможно, однажды мне придет на ум такое, о чем захочется вас спросить. Если не увидимся до тридцатого июня – с днем рождения!

Так мы и расстались – не с лучшими чувствами, конечно же, но и не заклятыми врагами. Проследив, как удаляется ее такси, я побрел домой, предвкушая долгое совещание с Вулфом, но не чувствуя при этом безудержного ликования. Ситуация сложилась интересная: я готов был ему помочь, вот только моя роль в этом деле мне не нравилась.

Однако, как я обнаружил, все обсуждения были отложены до утра. Когда я вернулся, Вулф уже удалился спать, что меня устраивало.

На следующее утро, во вторник, произошла стычка. Я завтракал, как обычно, на кухне. Апельсиновый сок, оладьи, поджаренная ветчина, мед, кофе, дыня и еще раз кофе. Появился Фриц, относивший Вулфу наверх поднос с завтраком, и сообщил, что тот меня вызывает.

Это было в порядке вещей. Вулф не спускался вниз до своего визита в оранжерею в девять часов. Если он не находил возможным дать мне указания по внутреннему телефону, то обычно посылал за мной.

О срочности Фриц не заикнулся, поэтому я спокойно допил вторую чашку кофе и только потом поднялся в комнату Вулфа на втором этаже, расположенную прямо под той, где так и не переночевала Присцилла. Вулф уже покончил с завтраком, выбрался из постели и теперь стоял перед окном в желтой пижаме, на которую ушло не менее двух акров ткани, и потирал макушку. Я пожелал ему доброго утра, и он любезно ответил мне тем же.

– Который час? – спросил он затем.

В комнате было двое часов – на прикроватной тумбочке и на стене, футах в десяти от него, но я все равно ублажил Вулфа, бросив взгляд на запястье:

– Восемь тридцать две.

– Позвони, пожалуйста, в офис мистера Хелмара ровно в десять и соедини со мной наверху. Ехать туда тебе бессмысленно, раз уж нам все равно известно больше его. А пока не помешает позвонить на квартиру мисс Идз и узнать, не дома ли она. Или ты уже звонил?

– Нет, сэр.

– Тогда позвони. Если ее там нет, мы должны быть готовы немедленно взяться за дело. Сразу же свяжись с Солом, Фредом и Орри и вели им быть здесь к одиннадцати, если они смогут.

Печально, но решительно я покачал головой:

– Нет, сэр. Я ведь предупреждал: вам, возможно, придется меня уволить. Я не отказываюсь от игры, но помогать вам мошенничать не собираюсь. Вы обещали ей, что мы забудем о ее существовании до десяти часов сегодняшнего утра. Именно так я и поступил. Я понятия не имею, о чем и о ком вы говорите. Не желаете, чтобы я поднялся к вам в десять за указаниями?

– Нет! – огрызнулся он и двинулся в ванную, но, дойдя до нее и уже открыв дверь, прокричал через плечо: – То есть да! – И исчез внутри.

Чтобы избавить Фрица от беготни, я прихватил с собой поднос с остатками завтрака.

Как правило, если нет срочной работы, я не захожу в кабинет до прибытия утренней почты, то есть до восьми сорока пяти – девяти часов. Поэтому, когда незадолго до девяти раздался звонок в дверь, я все еще сидел на кухне и обсуждал с Фрицем успехи «Джайентс» и «Доджерс». Пройдя по коридору до входной двери и взглянув на посетителя через одностороннюю стеклянную панель, я так и замер.

Изложу все как есть. Когда я впервые увидел Присциллу Идз, между нами не пробежали искры. Я не почувствовал ни слабости, ни головокружения. Однако факт остается фактом: никогда прежде меня не посещали столь скорые и определенные предчувствия.

Не успел Хелмар в понедельник вечером и двух десятков слов сказать о своей пропавшей подопечной, как я уже объявил себе: «Она наверху» – и знал это точно. Во вторник утром, едва увидев на крыльце инспектора Кремера из отдела по расследованию убийств, я сказал себе: «Она мертва» – и знал это не менее точно. Секунды три я простоял, прежде чем открыть дверь.

Я поздоровался с инспектором, а он, бросив мне на ходу: «Привет, Гудвин», двинулся дальше, направляясь в кабинет. Я последовал за ним и сел за свой стол, заметив, что инспектор занял не красное кожаное кресло, а желтое, давая тем самым понять, что пришел ко мне, а не к Вулфу. Я сообщил ему, что Вулфа не будет еще часа два, хотя он знал это и без того, будучи знаком с нашим расписанием не хуже меня.

– Как насчет меня? – поинтересовался я.

– Сгодишься для начала! – прорычал он. – Прошлой ночью убита женщина. На ее багаже – твои свежие пальчики. Как они там оказались?

Я твердо встретил его взгляд.

– Так не пойдет, – возразил я. – Мои пальчики можно найти на женском багаже от Мэна до Калифорнии. Имя, адрес и описание багажа?

– Присцилла Идз, Восточная Семьдесят четвертая улица, шестьсот восемнадцать. Чемодан и шляпная коробка из светлой дубленой кожи.

– Ее убили?

– Да. И твои пальчики свежие. Что скажешь?

Инспектор Кремер ни в коем случае не похож на сэра Лоуренса Оливье, но прежде я не считал его уродом. Однако в тот момент меня вдруг поразило, насколько же он уродлив. Летом его крупное круглое лицо неизменно краснеет и выглядит отекающим, из-за чего глаза как будто делаются меньше, хотя взгляд их остается таким же подвижным и острым.

– Как бабуин, – вылетело у меня.

– Что?

– Ничего.

По внутреннему телефону я набрал номер оранжереи, и Вулф тут же снял трубку.

– Здесь инспектор Кремер, – сообщил я ему. – Убита женщина по имени Присцилла Идз. Кремер говорит, будто на ее багаже мои отпечатки. Он хочет знать, как они там оказались. Я слышал о ней когда-нибудь?

– Черт побери!

– Да, сэр. Присоединяюсь. Не хотите спуститься?

– Нет.

– Может, нам подняться?

– Нет. Ты знаешь то же, что и я.

– Несомненно. Так я выкладываю?

– Естественно, почему бы и нет?

– Ага, почему бы и нет? Она мертва.

Я повесил трубку и повернулся к Кремеру.

Глава 4

Склонен полагать, что Кремер неплохо понимает Вулфа, хотя и не во всех отношениях. Например, преувеличивает его алчность. Вещь вполне естественная, на мой взгляд. Хочешь оставаться честным копом – а инспектор таков и есть, – смирись с тем, что будешь получать значительно меньше, чем мне перепадает от Вулфа, чей годовой доход исчисляется шестизначной цифрой. Согласен, Вулф ведет свой бизнес отнюдь не ради моего процветания, однако вполне способен оставить клиенту десять центов на трамвай, а то и доллар на такси.

Кремер, однако, держится иного мнения. А потому, узнав, что у нас нет клиентов, каким-либо образом связанных с Присциллой Идз, – теперь, когда она мертва, – и никаких перспектив заполучить их, а значит, и гонорар, который потребуется отработать и защищать, он стал называть меня Арчи. Такое случалось и раньше, но не часто.

Выразив признательность за предоставленную информацию, которая заняла в блокноте десяток страниц, исписанных мелким аккуратным почерком, он задал кучу вопросов не для проверки меня, а для уяснения ситуации. Впрочем, Кремер не удержался от язвительного комментария по поводу нашей проделки – его выражение – с Хелмаром и подопечной адвоката, прячущейся на верхнем этаже. На это у меня нашлись свои возражения.

– Ладно вам, – сказал я. – Она явилась сюда без приглашения, он – тоже. Никаких обязательств мы на себя не брали. Мы не смогли бы потрафить обоим сразу. А как бы вы управились с этим?

– Я не гений, как Вулф. Он мог сослаться на занятость и не рассматривать предложение Хелмара.

– И с чего тогда платить жалованье? Кстати, о занятости: вы не слишком заняты, чтобы ответить на вопрос законопослушного гражданина?

Он кинул взгляд на запястье:

– В половине одиннадцатого я должен быть в офисе окружного прокурора.

– Тогда у нас в запасе еще несколько часов... Во всяком случае, несколько минут. Почему вас так интересовало, когда именно Хелмар ушел от нас? Это произошло в начале одиннадцатого, а мисс Идз покинула этот дом больше чем через час.

– Ага. – Он достал сигару. – Какую газету читаешь?

– «Таймс». Но сегодня просмотрел только первую полосу и спортивную.

– В «Таймс» этого не печатали. Минувшей ночью, где-то в начале второго, в вестибюле дома на Восточной Двадцать девятой улице было найдено тело женщины. Ее удавили веревкой, не очень толстой. С опознанием возникли сложности, потому что ее сумочку похитили. Но она жила в соседнем доме, а потому много времени на это не ушло. Ее звали Маргарет Фомос, и она служила горничной у Присциллы Идз, на Семьдесят четвертой улице. Работала там целыми днями, но жила на Двадцать девятой улице с мужем. Обычно она приходила домой около девяти, а прошлым вечером позвонила мужу и сообщила, что до одиннадцати не появится. Он говорит, будто она показалась ему расстроенной. Муж спросил, что случилось, а она ответила, что расскажет, когда вернется.

– Значит, ее убили около одиннадцати?

– Не известно. Дом на Семьдесят четвертой улице – частный, перестроенный под квартиры класса люкс, по одной на этаже, за исключением квартиры мисс Идз – она занимала два верхних этажа. Лифтера там нет, а потому некому присматривать за входящими и выходящими из здания. Патологоанатом полагает, убийство произошло между половиной одиннадцатого и полуночью. – Кремер снова посмотрел на часы, сунул сигару в левый уголок рта и пожевал, но не прикурил. – Я был дома, уже спал. На место выезжал Роуклифф, а с ним – еще четверо. Они проделали все полагающиеся в подобных случаях процедуры. Около четырех часов один

из них, парнишка по фамилии Ауэрбах, вспомнил, что у него имеются мозги, и решил дать им шанс. Ему пришло в голову, что прежде он никогда не слышал, чтобы грабитель, отбирающий сумочки у женщин, душил жертву. К тому же ничто не указывало на попытку изнасилования. Что же такого было с собой у жертвы, что пришлось ее задушить? Согласно показаниям мужа убитой, ничего такого она не имела. Однако, составляя опись содержимого сумочки вместе с мужем, Ауэрбах счел достойной внимания одну вещь – ключ от квартиры, где работала миссис Фомос.

– Однажды он займет ваше место.

– Да хоть сейчас. Ауэрбах отправился на Семьдесят четвертую улицу, позвонил в квартиру Идз, но ответа не дождался. Тогда он разыскал швейцара, который открыл ему дверь. Тело Присциллы Идз лежало на полу, в двери между ванной и коридором. Ее ударили по голове каминной кочергой сбоку, а затем задушили веревкой, не очень толстой. Шляпка валялась рядом, жакет она снять не успела. По-видимому, убийца поджидал ее прихода. Мы узнаём больше, когда разыщем таксиста. Благодаря твоей помощи это произойдет весьма скоро. По мнению патологоанатома, смерть наступила между часом и двумя.

– Значит, она не сразу отправилась домой. Я посадил ее в такси где-то без двадцати двенадцать.

– Знаю. Ауэрбах вызвал Роуклиффа, и парни взялись за дело. Урожай отпечатков оказался ниже среднего. Полагаю, миссис Фомос хорошо справлялась с уборкой. Самая лучшая серия четких и свежих пальчиков отыскалась на багаже. Когда стало известно, что они принадлежат тебе, Роуклифф позвонил мне, и я решил заглянуть сюда по дороге. Этот малый понятия не имеет, как обращаться с Вулфом, а ты вообще действуешь на Роуклиффа как пчела на собачий нос.

– Однажды я опишу, как он действует на меня.

– Пожалуй, не стоит. – Кремер посмотрел на часы. – Я думал переговорить с Вулфом, но знаю, как он не любит, чтобы его беспокоили пустяками вроде убийства, когда он наверху. Потому решил, что с тем же успехом могу получить информацию у тебя, если это вообще возможно.

– Вы получили ее всю.

– Верю – для разнообразия. – Он поднялся. – Особенно потому, что у вас нет клиента. Да и взяться ему как будто неоткуда. Настроение у Вулфа, должно быть, паршивое. Не завидую я тебе. Ладно, ухожу. Ты ведь понимаешь, что являешься важным свидетелем. Не пропадай из виду.

Я ответил, что никуда не денусь.

Проводив Кремера, я повернул назад и уже было вошел в кабинет, как вдруг затормозил у двери, развернулся и двинулся вверх по лестнице. Преодолев два этажа, я оказался в Южной комнате, остановился посреди нее и осмотрелся.

Фриц сюда еще не заглядывал, и постель по-прежнему была разобрана, как ее оставила Присцилла. Сложенное покрывало все так же лежало на другой кровати. Я поднял покрывало и посмотрел, нет ли чего под ним. Заглянул под подушку на застеленной кровати. Затем подошел к большущему комоду между окнами и принялся выдвигать и задвигать ящики.

Я отнюдь не спятил. Я грамотный и опытный детектив. Произошло убийство, к которому я проявлял интерес и о котором хотел узнать больше. А на тот момент ближайшим местом, откуда можно было начать, являлась комната, в которой Присцилла намеревалась переночевать и позавтракать.

Найти что-либо любопытное я совершенно не надеялся, а потому не разочаровался, так ничего и не обнаружив. Хотя кое-что все-таки нашел. На полочке в ванной обнаружили зубная щетка и использованный носовой платок. Я отнес их в свою комнату и убрал в комод.

Они до сих пор у меня, в ящике, где я держу коллекцию разнообразных профессиональных реликвий.

Подниматься в оранжерею и затевать ссору было бессмысленно, поэтому я спустился в кабинет, просмотрел утреннюю почту и занялся всякой рутинной. Через какое-то время, осознав, что заново дату прорастания *Cymbidium holfordianum* в карточку *Cymbidium pauwelsi*, я решил, что не настроен заниматься канцелярской работой, рассовал бумаги по папкам, сел и устал на носки своих ботинок. Мне хотелось знать четыре тысячи разных вещей. И нашлось бы кого о них расспросить. Например, сержанта Пэрли Стеббинса или Лона Коэна из «Газетт». Но, как ни крути, это был кабинет Ниро Вулфа и его телефон.

В одиннадцать Вулф спустился в кабинет, прошествовал к своему столу, устроился в кресле и просмотрел небольшую стопку почты, которую я положил под пресс-папье. Особо интересного ничего не было, и уж точно ничего срочного. Он поднял голову и сосредоточил на мне взгляд:

– Мы вроде договаривались, что ты поднимешься в десять часов за указаниями.

– Да, – кивнул я, – но Кремер ушел только в пять минут одиннадцатого, а я знал, как вы отреагируете. Хотите услышать подробности?

– Давай.

Я пересказал ему все, что узнал от Кремера. Когда я закончил, он долго сидел молча и хмуро глядел на меня из-под полуопущенных век, наконец спросил:

– Ты полностью отчитался перед мистером Кремером?

– Полностью. Вы же сами велели выкладывать все.

– Да. Тогда мистер Хелмар скоро узнает, если уже не узнал, о нашей уловке, и я полагаю, нам не стоит связываться с ним. Он хотел получить свою подопечную живой и здоровой, как он выразился, а теперь это совершенно исключено.

– Но он единственный, кто может быть нам хоть чем-то полезен, – спокойно возразил я. – И как бы тяжело ему ни было, мы можем начать с него. Должны же мы с кого-то начать?

– Начать? – раздраженно переспросил он. – Что начать? Для кого? У нас нет клиента. Нечего начинать.

Проще и честнее всего было бы выйти из себя, и это даже позволило бы мне отвести душу. Ну а потом? Я решил не кипятиться и с тем же спокойствием ответил:

– Не отрицаю, можно и так подойти к делу, но можно ведь и по-другому. Она была здесь и хотела остаться, а мы ее вышвырнули, и вот она убита. Осмелюсь полагать, это не пустой звук для вашего самоуважения, которое вы поминали прошлым вечером. Осмелюсь полагать, вы все-таки должны что-то сделать – приступить к расследованию убийства. А клиент у вас есть. Это ваше самоуважение.

– Вздор!

– Возможно. – Я по-прежнему сохранял спокойствие. – Хотелось бы объяснить подробно, почему я считаю, что наш долг – схватить убийцу Присциллы Идз, но я не склонен тратить ваше время и свои силы понапрасну. Будет в этом смысл?

– Нет.

– Вы даже обсудить ничего не хотите?

– С какой стати? – Он махнул рукой. – Я не брал на себя никаких обязательств, и мне не предлагают никакого вознаграждения. Нет.

– Хорошо. – Я встал. – Пожалуй, я и так знал, чем закончится дело. Понимаете, у меня, в отличие от вас, есть одна проблема. Если бы я отказал этой девушке и выставил ее вчера днем, как только выяснил, чего она хочет, очутилась бы она в морге? Сомневаюсь. Когда вы спустились и я пристал к вам с ней, вы велели выпроводить ее из дому до обеда. Если бы я так и поступил, оказалась бы она в морге? Вероятно, нет. Исключительно по моей вине она ушла от нас почти в полночь, а потом решила вернуться домой – не важно, по какой причине.

Может, просто чтобы переодеться, взять какие-то вещи. Или же раздумала играть в прятки. Так или иначе, она вернулась домой, и ее убили. Это моя личная проблема.

– Арчи, – сердито начал он, – нельзя взваливать на себя ответственность за то, что происходит из несовершенств твоего сознания. Особенно несовершенств, присущих всем нам, не наделенным всеведением. Это вульгарное заблуждение – полагать, будто неизвестное навредить не может. Зато верно, что неизвестное не может вменяться в вину.

– Все равно это моя личная проблема. Я вполне могу обходиться без всеведения, но я не могу жить с мыслью, что на свободе разгуливает чертов душитель, благодарный мне за то, что я направил жертву напрямик к нему в лапы. И жить с этим я не намерен. Я уволюсь, если вам будет угодно, но предпочел бы взять отпуск на неопределенный срок, прямо с данного момента... Неоплачиваемый, конечно же. Вы можете вызвать Сола. Я перееду в отель, но, полагаю, вы не станете возражать, если время от времени я буду заглядывать, когда мне что-нибудь понадобится.

Он хмуро смотрел на меня:

– Я правильно тебя понимаю? Ты намерен в одиночку искать убийцу мисс Идз?

– Не знаю, в одиночку ли. Возможно, мне потребуется нанять кого-нибудь себе в помощь, но искать собираюсь.

– Пф! – презрительно отозвался он. – Вздор! Неужели мистер Кремер такой растяпа? А его люди? Такие неумехи, что ты должен брать на себя их обязанности?

Я уставился на него:

– Будь я проклят! И это я слышу от вас?

– Не получится, Арчи, – покачал головой Вулф. – Ты провоцируешь меня, но я не поддамся. Я не возьмусь за масштабное и дорогостоящее расследование без всяких надежд на гонорар только потому, что ты уязвлен. Твой блеф не сработает. С твоей стороны, конечно же, будет глупо пытаться... А это еще зачем?

Я был слишком занят, чтобы отвечать ему. Сняв пиджак, я достал из ящика наплечную кобуру и надел ее, потом взял «марли» 32-го калибра и коробку патронов, зарядил барабан, сунул пушку в кобуру и надел пиджак. То был мой ответ Вулфу, хотя я имел и другие причины вооружиться. Печальный опыт, приобретенный несколькими годами ранее, приучил меня не выходить из дому без револьвера во время расследования убийства. И теперь сработала сила привычки.

Покончив с этим, я повернулся к Вулфу:

– Буду непременно предупредить всех, что не работаю на вас. Кто-то, конечно, не поверит, но тут уж я ничего не могу поделать. Я еще вернусь кое за чем, а если не получится, сообщу по телефону, в каком отеле остановился. Если решите уволить меня, так тому и быть. Больше времени на разговоры не имею, так как хочу перехватить одного парня до ланча.

Он сидел, нахмурившись и плотно сжав губы. Я повернулся и вышел из кабинета. В прихожей снял с вешалки соломенную шляпу. Вообще-то, я не люблю возиться со шляпами летом, но вдруг понадобится где-нибудь продемонстрировать хорошие манеры? Преодолев семь ступенек крыльца, я взял на восток, как будто точно знал, куда направляюсь. Прошел по Десятой авеню, повернул в сторону центра и на углу Тридцать четвертой улицы зашел в аптеку, забрался на высокий табурет возле стойки с газировкой и заказал солодово-шоколадный коктейль, взбитый с тремя яйцами.

Никого я не хотел перехватить до ланча. Мне пришлось убраться из дому, поскольку я прекрасно знал: все равно придется это сделать. Понял это, как только осознал всю бессмысленность попыток подвигнуть Вулфа к расследованию убийства. Я не винил Вулфа, ведь его совесть не была отягощена проблемой, стоявшей передо мной.

Впрочем, меня эта проблема больше не волновала, потому что была улажена. В ближайшем будущем я видел лишь одно возможное применение для моего времени и способностей:

найти душителя, к которому я отправил Присциллу на такси, и упаковать его для отсылки по надлежащему адресу с чьей-либо помощью или без оной. Я вовсе не тешил себя мечтой проскатать по Бродвею на белом коне с головой врага, насаженной на копье. Я всего лишь хотел схватить сукиного сына или хотя бы этому посодействовать.

Мысль о содействии заставила меня задуматься. Можно было отправиться к инспектору Кремеру, объяснить свою проблему и пообещать беспрекословно подчиняться приказам, если он возьмет меня в качестве специального агента для расследования этого дела. Подобный вариант меня бы вполне устроил, если бы не одно обстоятельство: некоторые приказы наверняка будут исходить от Роуклиффа. А в моих глазах никакая цель не может оправдать того, кто готов следовать указаниям этого типа. Пришлось отбросить мысль о содействии. Что дальше? Если я отправлюсь в квартиру Присциллы, меня попросту туда не пустят. Если найду Перри Хелмара – при условии, что мне это вообще удастся, – он даже разговаривать со мной не будет. Нужно отыскать какую-то лазейку.

Покончив с коктейлем и запив его стаканом воды, я направился к телефонной будке, набрал номер «Газетт» и попросил соединить меня с Лоном Коэном.

– Во-первых, – заявил я ему, – звоню по собственной инициативе. Ниро Вулф в деле не участвует и несколько им не интересуется. Имея это в виду, будь так любезен, выложи мне все факты, подозрения и слухи, прямо или косвенно связанные с мисс Присциллой Идз и ее убийством.

– Газета стоит пять центов, приятель. Я занят.

– Я тоже. И не могу ждать газеты. У нее остались родственники?

– В Нью-Йорке никого, насколько нам известно. В Калифорнии есть пара тетушек.

– Ухватились за какую-нибудь ниточку, которую ты можешь упомянуть по телефону?

– И да и нет. Ничего особенного. Тебе известно о завещании ее отца?

– Я вообще ничего не знаю.

– Ее мать умерла, когда она была еще младенцем, а отец – когда ей шел шестнадцатый год. Деньги и ценные бумаги, которые он ей оставил, – ну, еще и страховка – не особо впечатляют. Однако он учредил попечительство над солидным пакетом – девяносто процентов – акций корпорации «Софтдаун», производящей полотенца и прочий текстиль. Это бизнес ценой в десять миллионов долларов. Опекуном был назначен друг и адвокат отца Перри Хелмар. Восемьдесят процентов прибыли с опекаемого имущества предназначались Присцилле, а на ее двадцатипятилетие в собственность наследницы должно было перейти все. В случае ее смерти до наступления указанного возраста акции компании отходили в собственность руководителям и сотрудникам корпорации. Их имена перечислялись в списке, прилагавшемся к завещанию, с указанием количества акций, причитающихся каждому. Львиная доля ценных бумаг окажется в руках примерно десяти человек. Ее убили за шесть дней до двадцатипятилетия, и это, несомненно, ниточка, но, естественно, не единственная.

– Готов поспорить, что нет. Чертов дурак!.. Я имею в виду папашу. А что насчет парня, за которого она вышла? Я слышал, она с ним сбежала. От кого сбежала? Отец ведь умер.

– Не знаю... Может, от опекуна? Он за ней приглядывал. А парень был нездешний. Она познакомилась с ним во время путешествия, кажется, где-то на юге. В Нью-Йорке мало что можно накопать на эту тему. Так ты говоришь, Вулф не участвует в деле и не имеет в нем никаких интересов?

– Именно так. Не участвует.

– Ха-ха! Полагаю, тебе нужен напарник. Передавай ему поклон от меня. Ну как, стоит это десяти центов?

– Пока да. Я угощу тебя стейком в ресторане «У Пьера» в половине восьмого.

– Самое лучшее предложение за сегодня, – хмыкнул Лон. – Надеюсь, смогу его принять. Позвонишь мне в семь?

– Договорились. Премного благодарен.

Я повесил трубку, открыл дверь будки, достал носовой платок и вытер лоб и затылок. В будке оказалось жарко. Отыскав манхэттенский телефонный справочник, я нашел в нем один адрес, покинул аптеку, пересек Тридцать четвертую улицу, поймал такси и покатил в восточном направлении.

Глава 5

Штаб-квартира корпорации «Софтдаун» располагалась на Коллинз-стрит, 192, где-то в дремучих дебрях между Сити-Холл-парком и Гринвич-Виллиджем, и занимала не отдельное помещение или этаж, но все здание. Возможно, его фасад в четыре этажа некогда и радовал глаз кирпичом кремового цвета, но теперь пришлось бы поработать зубилом или пескоструйным аппаратом, чтобы в этом убедиться. Впрочем, две огромные витрины по бокам от входа были так надраены, что буквально сверкали. В одной красовался бескрайний геометрически правильный строй банных полотенец разнообразнейших цветов и размеров, а в другой – старинная полуразвалившаяся штукавина с вывеской на одной из поперечин, гласящей:

ПРЯДИЛЬНЫЙ СТАНОК ХАРГРИВСА⁷

1768 год

Обе створки двойной двери были распахнуты, и я вошел. Левая половина обширного зала была отгорожена по всей длине стеной с вереницей дверей, а правая заставлена множеством столов, на которых высились груды товаров. В этой части зала я заметил четырех или пятерых служащих. У входа в стене имелаась ниша футов восемь шириной, над ней висела табличка «Справочное бюро», однако сидевшая там за коммутатором старая боевая кляча имела чертовски скептический вид, так что я прошел мимо нее направо, где стоял, почесывая ухо, румяный толстячок. Я продемонстрировал ему свою лицензию с фотографией:

– Гудвин. Детектив. Где босс?

Он едва удостоил взглядом мой документ.

– Какой босс? – пропищал он. – Чего вы хотите?

Еще один скептик.

– Расслабьтесь, – отозвался я официальным тоном. – Я здесь по заданию, связанному со смертью Присциллы Идз. Мне надо поговорить с каждым, кто после ее смерти получит свою долю в этом бизнесе, желательнее начиная с верхушки. Может, начать с вас? Представьтесь, пожалуйста.

Он и бровью не повел, но пропищал:

– Вам нужен мистер Брукер.

– Допустим. Где он?

– Его кабинет вон там, в конце, но сейчас он наверху, в зале для совещаний.

– А лестница?

– Там, – ткнул он большим пальцем.

Я двинулся в указанном направлении и прошел в дверь. Лестница оказалась сверстницей здания, за исключением ступенек, обновленных рельефным пластиком.

На втором этаже кипение жизни ощущалось куда явственнее, чем на первом. Он также был заставлен рядами столов с пишущими машинками и прочей конторской техникой, шкафчиками да полками. И конечно же, за столами сидели девушки, как минимум сотня. Что может

⁷ Англичанин Джеймс Харгривс (?–1778) известен как изобретатель прядильной машины периодического действия, названной в честь его дочери «Дженни-пряха». Эта машина, производившая пряжи в шесть раз больше обычной прялки, сыграла немаловажную роль в промышленной революции. Правда, приоритет Харгривса оспаривается современными исследователями.

быть приятнее изучения живых форм, красок и движений в крупном деловом офисе? Однако в тот день я был слишком занят. Подойдя к темноглазому цветущему созданию, управлявшемуся с машиной больше ее самой, я поинтересовался местонахождением зала для совещаний. В ответ она указала в дальний конец помещения, противоположный от улицы. Я направился туда, обнаружил дверь, зашел и закрыл ее за собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.